

Ибрагимова З. З., Серебряков Ф. Ф., Хазиев А. Х.

К(П)ФУ, г. Казань

Ibragimova Z. Z., Serebryakov F. F., Khaziev A. Kh.

K(V)FU, Kazan

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ СЕГОДНЯ: ПЕРВЫМ УСЛЫШАТЬ И СКАЗАТЬ

Аннотация: События первой трети XXI века поставили нас перед необходимостью осмысления многополярного мира, который ставит под сомнение традиционные гуманистические ценности. Но, как возможна «редакция» гуманизма? Да и возможна ли она вообще? Вопрос об идентичности из своей плоской обыденности приобрел цивилизационный масштаб. Кто мы? Это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром, русским языком. Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Позиция интеллектуала формируется на стыке обостренного этического состояния и устремленностью к истине, которая сама есть добродетель.

Abstract: The events of the first third of the 21st century have confronted us with the need to comprehend a multipolar world that calls into question traditional humanistic values. But how is it possible to "edit" humanism? And is it possible at all? The question of identity has taken on a civilizational scale from its flat routine. Who are we? This is a multi-ethnic civilization, held together by the Russian cultural core, the Russian language. Such a civilizational identity is based on the preservation of the Russian cultural dominant, the bearer of which is not only ethnic Russians, but all carriers of such an identity, regardless of nationality. The position of an intellectual is formed at the intersection of a heightened ethical state and striving for truth, which itself is virtue.

Ключевые слова: гуманизм, интеллектуал, полиэтническая цивилизация, идентичность, политика, мир, война, культура.

Key Words: humanism, intellectual, polyethnic civilization, identity, politics, peace, war, culture.

«О чем невозможно **говорить**, о том следует молчать». Такой фразой Л. Витгенштейн закончил свой «Логико-философский трактат». Молчать не получается. Молчать не хочется. Сегодня хочется говорить, сегодня **необходимо**

говорить о том, что представляется самым важным для гуманитарной мысли. Возможно, это своеобразный исторический шанс оторваться только от академических рассуждений, которыми изобилует современная гуманитаристика. Но если случилось сказать, то есть события и проблемы, по которым нельзя высказаться неопределенно, предельно абстрактно. Значимость не терпит подобного отношения. Определенные события первых десятилетий и разрушение однополярного мира чрезвычайно обозначили и без того острый вопрос об идентичности всех социальных субъектов. Но, памятуя о закрытых для современников «архивах знаний», мы можем согласиться, что молчание по поводу стремительных событий было бы понятным и извинительным. У нас, действительно, никогда нет и не будет исчерпывающих знаний обо всем, что требует осмысления. Разве что, через два века. Но разве это обстоятельство отменяет эту насущную необходимость? Есть экзистенциальная практика, есть рефлексия на уровне: от пользователя социальных сетей до положений академических ученых. Есть потребность слышать и говорить, поскольку от этого зависит не только индивидуальная будущность, перспективы общества, но и метафизическая ситуация. Военные конфликты являются неизменным катализатором всех последующих социальных потрясений и трансформаций. Это обозначило пределы всех форм социального бытия, а также наш образ этой реальности. Фигура интеллектуала претерпела значительное изменение, но сохранилась ее «несущая конструкция» – это неизменная интенция к истине: «к интеллектуалу нужно относиться не как к «носителю всеобщих ценностей», а как к человеку, занимающему особое положение, но при этом иметь в виду, что это положение связано в нашем обществе с общими функциями аппарата истины» [2, с. 207].

Тема пограничного состояния человечества между миром и войной по возможности комментируется сдержанно. В истории отечественной философии это имеет разные примеры. Несомненно, одно: экзистенциальные ситуации становились предметом пристального внимания и получали взволнованные оценки. Такое пограничное состояние бытия взывало к жизни поляризацию интересов,

позиций, оценок, главной целью которых был ответ на вопрос о способах обретения мира. Любой кризис непременно должен смениться миром. М. Фуко пишет: «необходимо выявить войну, ибо она есть шифр к миру. Целиком и беспрестанно она размежевывает всё общественное тело и помещает каждого из нас в один или в другой лагерь ... [субъект] неизбежно оказывается либо на одной, либо на другой сражающейся стороне, ибо у него есть противники и он сражается за победу ... Если же он говорит еще и об истине, то речь идет о той перспективной и стратегической истине, которая позволит ему одержать победу» [1, с.213]. Вполне житейская, толерантная (в худшем смысле этого слова) позиция интеллектуала балансирует между необходимостью высказать свое реальное отношение к событиям и деяниям, в которых решается вопрос сохранения независимости Родины и государства. Это будет «висеть как дамоклов меч» над всеми, кто осознает не только повседневную привычку считать себя частью этого государственного образования, но и *метафизическую привязанность к Родине*. Все возможные интуиции и предположения относительно возможных путей цивилизационного развития России, укрепления позиций русского мира и защиты ценностей оказались в поле мировоззренческих трансформаций.

Так было и будет всегда в минуты вызовов истории. Желание раствориться в обезличенных социальных формах деятельности в силу непонимания, ввиду тихого внутреннего протеста (против того, что является очевидным для всех в обществе) – реальность наших дней. Меньше всего уверенности в том, что это состояние недопустимости политики в свою частную, профессиональную и другие сферы жизни может конструктивно меняться одномоментно для всех под воздействием даже самых убедительных фактов, работы СМИ. Мы убеждены, что эволюция наших современных представлений о мире и войне, о чувстве Родины должна происходить из признания непреложности идей гуманизма, а, точнее, их историческому эквиваленту – идее *народосбережения*. Эта идея не предполагает поиск внутренних «врагов», легкое «расставание» со знаковыми событиями и персоналиями нашей истории и т.д. Надо признать, что значимость культуры,

государства возникает благодаря уникальному сочетанию жизненных ценностей всех народов, населяющих страну. Эти ценности не являются программой развития одного этноса, в них представлена универсальная гуманистическая цель, выходящая за пределы интересов какого-либо этноса. Й. Хейзинга в 1935 году был критичен по отношению к национальным культурам и классовым культурам, которые подчиняют понятие культуры идеалу благоденствия, могущества и безопасности [4]. Он исходил из того, что эти основания, скорее, разделяют, чем объединяют. Очевидно, это интуиции гуманистических стратегий будущего, которые должны избавляться от декларативных, абстрактных форм гуманизма. Будучи блестящим интеллектуалом, он видел примитивные предпосылки подобных лозунгов, причем они продиктованы были не только пещерными историческими аналогами.

Социальная жизнь, действительно, сложнее этих правильных слов. Тем более, если в них реализуются интересы отдельно взятого народа. Собственно, история это подтверждала это всегда: не только в виде итальянского, немецкого, испанского и т.д. фашизма. Идея превосходства одного народа, реализованная в идеологии и политике, не дает покоя целым государственным образованиям и в XXI веке. Это реалии, к которым мы вынуждены отнестись предельно *логоцентрично*, противопоставляя более глубокие и гуманистические стратегии. Ведь «для понятия культуры лишь там есть место, где определяющий ее направленность идеал выходит за пределы и поднимается выше интересов сообщества, которое этот идеал провозглашает. Культура должна быть метафизически ориентированной, либо ее нет вообще» [4]. Всеобщий идеал как условие современной культуры, который представлялся Хейзинга Й., также имеет свое прежнее значение. Что может быть неизменным мерилom человеческого (социального) сегодня в ответ на попытки сохранить однополярный мир, на притязания превосходства отдельных идеологий, их экономического диктата, на отсутствие внятного международного права, двойных стандартов в понимании фундаментальных вопросов мира и войны? Именно традиционная приверженность

идеалам разума, милосердия не дает разрушиться современной культуре, хотя, они могут и должны воспроизводиться всякий раз в актуальном и корректном звучании. Однако, голоса интеллектуалов практически не слышно. Очевидно, эта проблематика не представляется важной в силу однозначного игнорирования духовного потенциала культуры постсоветского пространства. Один из авторов, будучи на стажировке во Франкфурте, в Гёте-университете, на вопрос о причинах нежелания немецких коллег участвовать в конференциях и публиковаться в России получил ответ о тематическом расхождении, отсутствии интереса к проблемам, волнующих российских интеллектуалов. Историческая приверженность Колумбийскому университету гораздо сильнее всех других факторов, как, например, оригинальная советская и постсоветская философская культура, сформировавшаяся, несмотря на объективные трудности информационного вакуума, сложившегося в ответ на холодную войну.

Не случайно именно духовная культура обнаруживает мощное консервативное противостояние любым новациям. В этом смысле материальная культура даже в своем рутинном механизме впечатляет своей динамичностью, исподволь готовящей смену форм собственности, создающих новую разновидность производственных отношений. Духовная культура, напротив, воспроизводясь благодаря ценностям, установкам, предрассудкам и т.д. существует вполне монолитно. Ее защитные механизмы подкреплены убедительной и притягательной символичностью. Более того, символичность имманентна самой природе культуры. То, что создано человеком в виде искусственного второго мира и символически закреплено в духовной культуре, обладает определенной самостоятельностью. Духовный сегмент культуры связан с прочными и долговременными элементами. Поэтому рассчитывать на быструю смену настроений, эмоций и убеждений людей в связи с радикальными преобразованиями, реформами не приходится. Но это парадоксально составляет и повод для оптимизма. Ведь, во-первых, все идеальные компоненты духовной культуры – это поле для рефлексии над событиями, которые подчас сотрясают

наш разум и чувственность. Во – вторых, все новации духовной культуры, способны закрепить и обосновать произошедшие исторические события.

Это та ситуация, когда интеллектуал не может сделать вид, что политика, продолжающаяся «другими средствами» никак не имеет отношения к его профессиональному, гражданскому статусу. Речь не идет о действиях апологических или наоборот. Имеется в виду и роль «ожидającego». Безусловно, есть демаркация между не просто актуальной научной осведомленностью, гражданской позицией и обладанием компетентными сведениями и оценками. Но ведь это вопрос о степени нашей «захваченности» событиями, это не отменяет «помещения в тот или иной лагерь», о котором писал М. Фуко. Судя по всему, требование человеческой честности и профессионального статуса, так или иначе, ставят и перед современными интеллектуалами вопрос о необходимости своей личной идентификации, основанием которой, на наш взгляд, является, прежде всего, профессиональная корректность (если нет мировоззренческого согласия). Можно сказать, что речь, хотя и идет о защите интересов определенных общностей, но это не главное: «политическая задача интеллектуала состоит не в том, чтобы критиковать сопряженные с наукой идеологические положения или же действовать так, чтобы его научная деятельность сопровождалась правильной идеологией; она заключается в том, чтобы знать, возможно ли установление новой политики истины. Надо изменять не «сознание» людей или то, что у них в голове, но политический, экономический, институциональный строй производства истины» [2, с.209].

Возможно, это необходимое и достаточное условие тождества своей интеллектуальной миссии в обществе в виде научного дискурса, экстраполяции того, что еще находится в динамике и не может быть познано и, тем более, оценено. Это вызвано отчасти катастрофическим ускорением социальных процессов, интерактивной визуализацией политических событий, центрирующих все остальные сферы. С момента телевизионной включенности в события войны в Персидском заливе, историческое время, предельно сжалось благодаря СМИ. Для

интеллектуала, по слова М. Фуко, «роль вовсе не та, о которой от Солона до Канта грезил законодатель и философы: устроиться между противниками, в середине или над схваткой, навязать перемирие, установить примиряющий порядок [1, с.214].

В современных условиях любая экстраполяция интеллектуала формируется в эмоциональных, научных, мировоззренческих «интервалах неточности», под влиянием определенных политических факторов. Критерием состоятельности позиции интеллектуала, на наш взгляд, является сочетание рационального поиска, обостренного этического состояния и устремленности к истине, которая сама есть великая добродетель. Интеллектуалы «апеллируют к универсалистским ценностям. Они - часть мира, в котором политика не исчерпывается деятельностью государства; их мир - это политическая культура возражения, в которой коммуникативные свободы граждан возможно и принимать и мобилизовывать» [3].

Литература:

1. Фуко М. Нужно защищать общество / М. Фуко – М.: Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса по общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002. — 384 с. [Электронный ресурс] URL: https://monoskop.org/images/8/83/Fuko_Misel_Intellektualy_i_vlast_1.pdf (дата обращения 09.05.2022).
2. Фуко М. Политическая функция интеллектуала / М. Фуко – М.: Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса по общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002. — 384 с. [Электронный ресурс] URL: https://monoskop.org/images/8/83/Fuko_Misel_Intellektualy_i_vlast_1.pdf (дата обращения 09.05.2022).
3. Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала. [Электронный ресурс] URL: <https://polit.ru/article/2006/10/12/habermas/> (дата обращения 09.05.2022).
4. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/heyzinga_yohan/v_teni_zavtrashnego_dnya.htm (дата обращения 09.05.2022).

Авторская справка: *Ибрагимова Зулфия Зайтуновна, канд.филос.н,
доцент ФГАОУ ВО, ИСФНУМК К(П)ФУ, E-mail: yuldyz@rambler.ru*

Author's Bio: *Zulfiya Zaytunovna Ibragimova, PhD of philosophical sciences,
Ass. Prof., FGBOU VO Kazan Federal University, Researcher.*

Авторская справка: *Серебряков Фаниль Фагимович, канд.филос.н,
доцент ФГАОУ ВО, ИСФНУМК К(П)ФУ, E-mail: fanserebr@yandex.ru*

Author's Bio: *Serebryakov Fanil Fagimovich, PhD of philosophical sciences, Ass. Prof., FGBOU VO Kazan Federal University.*

Авторская справка: *Хазиев Аклим Хатыпович , канд.филос.н, доцент ФГАОУ ВО, ИСФНУМК К(П)ФУ, E-mail: klim.haziev@yandex.ru*

Author's Bio: *Khaziev Aklim Khatypovich, PhD of philosophical sciences, Ass. Prof., FGBOU VO Kazan Federal University.*